



Владимир Одоевский  
**Саламандра**

«Public Domain»

1844

**Одоевский В. Ф.**

Саламандра / В. Ф. Одоевский — «Public Domain», 1844

"В сей повести читатели найдут опыт рассказа, основанного большею частию на финских поверьях".

© Одоевский В. Ф., 1844

© Public Domain, 1844

# Содержание

I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	18

# Владимир Федорович Одоевский

## Саламандра

### повесть

#### I

### ЮЖНЫЙ БЕРЕГ ФИНЛЯНДИИ В НАЧАЛЕ XVIII СТОЛЕТИЯ<sup>1</sup>

*Посв. графине Эмили К-е Мусиной-Пушкиной*

«Гина, прибрось еще дров в печку. Даром что лето, а тепла еще нет, или уж я от старости тепла не чувю». Гина встала, бросила в очаг несколько сосновых поленьев; сильно запылала смолистая кора и обдала всю хижину живым, веселым светом; старушка вздохнула.

– Вот, – сказала она, – когда был у нас Павали, не носила я дров; а теперь уж и дрова на исходе, кто-то их нам перетащит в избу?

И старушка пригорюнилась.

– Ничего, еще придет, натаскает дров и лучины наколет к рождеству, – произнес старик нетвердым голосом, как бы сам не доверяя словам своим.

И она замолкла. Между тем из-за кучи хвороста вышел мальчик лет 12-ти, приемыш бедного финна, и весело тащил за собою маленькую Эльсу, внучку стариков. Но Эльса не хотела идти к печке и вырывалась у него из рук; Якко дразнил ее и громко смеялся, но увидя печальный вид старика, примолкнул и спокойно уселся на полу против огня.

Избушка, в которой происходила эта небольшая сцена, была построена на самом берегу Вуоксы. Теперь берега Вуоксы выглажены, разряжены, по скалам тянется ровная дорожка с перилами; беседки в безвкусном английском роде, хорошо выбеленные, ожидают праздных путешественников; но и теперь, как прежде, ужас находит на человека, когда он осмеливается заглянуть в страшную клочущую бездну. Река Вуокса тиха и спокойна в своем течении; но

---

<sup>1</sup> В сей повести читатели найдут опыт рассказа, основанного большею частию на финских поверьях. Гроту, переводчику тегнеровой «Саги о Фритиофе», с такою пользою посвятившему труды свои Финляндии, мы обязаны неожиданным и в высшей степени любопытным открытием драгоценных подробностей о характере и преданиях финнов, столь разительно отличающихся от преданий всех других народов (см. «Современник» 1839–1840). О финнах нельзя судить, не проникнувши внутрь их страны и не познав их семейный быт. Врожденная страсть к чудесному соединяется в них с сильным поэтическим элементом и с полудикою привязанностью к своей земле. Вообще финны добры, терпеливы, покорны властям, привязаны к своим обязанностям, но недоверчивы и столько хитры, что, увидев незнакомца, до случая умеют притворяться, будто его не понимают; однажды раздраженные, они не знают пределов своей мстительности. Они живут не в селениях, но уединенно в хижинах, разбросанных между гранитных скал; редко сообщаются не только с другими людьми, но и между собою; оттого известия о всем происходящем в мире до них доходят в виде искаженных слухов; в каждой хижине этот слух дополняется каким-либо чудесным рассказом (ибо финны большие рассказчики), и так мало-помалу происшествие, вчера случившееся, у них обращается в баснословное предание: явление любопытное, объясняющее до некоторой степени, каким образом образовались древние мифы. Вообще финнов можно назвать народом древности, перенесенным в нашу эпоху. Ленрот, отличный финский поэт, бродя по всем краям своей отчизны, собрал народные песни, никем до того не записанные; пересматривая их, он заметил между ними некоторую связь; при дальнейшем исследовании Ленрот открыл, что эти народные песни суть части целой стройной поэмы, и тем доставил новое доказательство для последователей Вольфовых мнений о происхождении «Илиады». Предания о происшествиях времен Петра и Карла XII еще живы в памяти финнов, но превратились в баснословное предание. Жизнь, близкая к природе, научила их знать свойства трав и корней; им известны даже таинства животного магнетизма; все это играет у них роль колдовства: послушайте рассказы о нем русских крестьян, поселившихся в Финляндии. Из письма финского крестьянина к императору Александру (Грот – в «Современнике») можно видеть, как охотно финны любят рассуждать обо всем, о чем только узнают, и с какой точки зрения смотрят они на предметы. Вообще быт, предания, поверья сего народа в высшей степени заслуживают внимания и суть неоцененное сокровище для литературных произведений. (Примеч. В. Ф. Одоевского.)

беспреданно скалы то ложатся поперек ее, то сжимают ее узкими берегами, и река кипит, бурлит, рвется к родному морю, ползет на утесы, бросает в воздух глыбами белой пены, подмывает огромные сосны; сосны падают в пучину, чрез минуту за версту от порога Вуокса прибывает к берегу дребезги огромного дерева – и снова течет тихо и спокойно. Она похожа на доброго человека, которого судьба раздражает на каждом шагу жизни: гневно и сильно борется он с судьбою, но после борьбы все затихает в душе его, и снова светится в ней ясное солнце.

За 130 лет на Иматре не было ни дорожек, ни беседок; праздные петербургские пришельцы не обращали себе в забаву грозной силы природы; она была во всем своем девственном величии; но и тогда, как теперь, между порогов скользила ладья рыболова; отважный, он вверялся родной реке и спокойно закидывал сети между клокочущими безднами. На берегу к двум утесам была прислонена финская избушка; между камнями, подернутыми желтым мохом, пробирались корни деревьев, а ветви их сплетались над кровлею, усаженною зеленым дерном; избушка была темна; четверугольная печь с вечно пылающими дровами, несколько обрубков сосен, куча хвороста, служившая постелью, на стене кантела, народный финский инструмент, похожий на лежащую арфу с волосяными струнами, – вот все, чем украшалось бедное жилище рыболова.

Ветер свистал в волоковое окно, некрепко припертое, иногда пробегал по струнам кантелы, и струны печально, нестройно звучали; когда утихал ветер, тогда слышался гул порогов; тряслись стены старой избушки, дверь, скрипя, поворачивалась на верях; искры сыпались из печи, дым облаком выносило из устья; по временам сильный порывистый дождь прорывался сквозь кровлю и брызгами обдавал жителей, но они, казалось, привыкли ко всему этому и не обращали ни на что внимания.

Так протекло довольно долгое время в совершенном молчании; лишь изредка Якко поворачивал глаза к старику, как будто хотел о чем-то спросить его, но боялся, или беззаботно бросал свежие ветки сосны в огонь и с детским любопытством смотрел, как мало-помалу в золотистых искрах истлевали зеленые смолистые иглы. Наконец Гина встала, достала с шеста несколько кружков древесной коры, подбеленных мукою, сняла с печки деревянную чашу с кислым молоком, и вся семья принялась за скудный ужин. Одна Эльса, получив свою долю, ушла снова за хворост.

В эту минуту Якко, поглядев пристально на старика, сказал: "Давно я хотел спросить тебя, дедушка, куда ушел наш Павали?"

– Куда, – отвечал старик, – разве ты не видел, как его солдаты увели?

– Да куда ж они его увели?

– Куда? на войну с вейнелейсами <sup>2</sup>.

– А что такое война, дедушка?

– А вот видишь, Якко, с одной стороны приходят рутцы <sup>3</sup>, а с другой вейнелейсы, и спорят о том, кому достанется наша земля.

– Да нам-то что до этого за дело? – заметила Гина. – Пусть бы дрались между собою, а нас бы не обижали; ну, зачем они увели нашего Павали? На что он им?

– Да вишь, им нужны проводники дорогу показывать.

– Дорогу показывать? – сказала Гина. – Да что нам до этого? Как нам жить без Павали? И дров наносить некому, и коры некому намолоть.

– А вот придет, – повторил старик неверным голосом. Якко обратился снова к старику своими быстрыми, вопрошающими глазами.

<sup>2</sup> Так финны в старину называли русских. (Примеч. В. Ф. Одоевского.)

<sup>3</sup> Старинное название шведов в Финляндии. (Примеч. В. Ф. Одоевского.)

– Помнишь, дедушка, об рождестве, ты, подыгрывая на кантеле, распевал нам об нашей земле и о том, как о ней спорят калевы с пахиолами; это они-то и есть, что теперь спорят? Я тогда не понял всего; расскажи-ка еще, дедушка.

– Нет! То было в старину, а то теперь, – отвечал старик вздохнувши.

– Да на что им наша земля? – сказала Гина. – Разве нет у них своей?

Старик не отвечал, печально наклонил голову, седые локоны нависли на его бледные морщины, он сложил руки на коленях и, качая головою, стал говорить, как будто самому себе:

## ФИНСКАЯ ЛЕГЕНДА

Нет на свете земли Краше нашей Суомии; у нас и море широкое, и озера глубокие, и сосны вечнозеленые; и в других землях также есть солнце, да оно покажется, посветит и спрячется, как у нас зимой. А наше солнце полгода отдыхает, зато полгода светит, и на полях наших едва уляжется роса вечерняя, как поднимается роса утренняя. Но в старину было еще лучше: было у нас чудное сокровище Сампо <sup>4</sup>, пестрое, из разноцветных камней, и с такою крышей, что теперь всем ковачам не сковать. Тогда-то был рай земной в Суомии; ничего люди не делали, все делало Сампо: и дрова носило, и дома строило, и кору на хлеб мололо, и молоко доило, и струны на кантелу навязывало, и песни пело, а люди только лежали перед огнем, да с боку на бок поворачивались; всего было в изобилии; но когда Вейнемейнен рассердился на нас, Сампо ушло в землю и заплывало камнем, а на земле осталась только кантела. Тогда люди были не такие, как теперь, а великорослые, сильные. Они хотели разбить камень, трудились долго, но не дошли до Сампо, а только навалили груды камней на нашу землю. С тех пор проводали и другие люди, что в нашей земле есть такое сокровище; сперва рутцы, а потом и вейнелейсы; вот они и спорят с тех пор, кому достанется Сампо. У народа рутцы есть король, а у вейнелейсов царь. Оба они великие тьетай <sup>5</sup>. Они ведают, как добыть сокровище из земли, но один другому уступить его не хочет. Давно уж они готовились завладеть им. Уж чего не знает наш тьетай Кукари? Он видит все, из чего что произошло, откуда и железо, и бурелом, и все силы земные, но перед царем и королем меркнет и его ум чудодейный. Царь, видно, сильнее короля, ибо знает, как он родился. Едва вышел король из материнского чрева, как топнул ногою об землю и сказал: что Юмала дал, того у меня Пергола не отнимет. И пошел он по земле с железным мечом; куда ни придет, махнет мечом, все люди вокруг него умирают; и такова его мудрость, что никто еще не видал, чтоб он ел или пил, а спит он одним только глазом, другим же все смотрит и в небо, и в землю, и все видит, что и как от чего происходит; одного только не видал он, как произошел царь вейнелейсов. Говорят, что вышел он прямо из моря. Была сильная буря, волны землю подмывали, корабли тонули, скалы с берегов падали в море. Король сидел на берегу, помахивал железным мечом и приказывал скалам подыматься из моря, но скалы не слушались; король рассердился, море пуще взбушевало; как вдруг расступилось, и из воды вышел царь вейнелейсов; одною рукою он приподнял скалы, а другою повел вокруг себя и сказал: все мое, что ни вижу. Король и пуще рассердился и бросил в царя железом; царь отвечал ему тем же. Тогда король бросил в него серою и селитрою. У царя же не было ни серы, ни селитры. Бой стал неровный. Царь собрал своих вейнелейсов и стал с ними ходить по белому свету; перешел он и за полудесятое море, там где небо к земле прислонилось. Придет в одно место, ударит железом по земле, скажет: копайте, и из земли выйдет железо. В другом месте ударит, выйдут из земли сера и селитра; в третьем – разные сокровища. Но все он не дорылся до Сампо, потому что Сампо только в нашей Суомии. Что ни собрал царь, все принес в свою землю. Но он так долго ходил по белому свету, что на его земле все люди постарели, у всех

---

<sup>4</sup> Род финского Аполлона. (Примеч. В. Ф. Одоевского.)

<sup>5</sup> Мудрецы, маги. (Примеч. В. Ф. Одоевского.)

отросли длинные бороды. Царь рассердился. «Хочу, – сказал он вейнелейсам, – чтоб все помолодели, потому что нужны мне люди молодые и сильные». И такова была его мудрость, что от одного его слова все вейнелейсы помолодели: сделались они здоровы и сильны, и бороды у них отпали. Тогда царь велел вейнелейсам ковать оружие против врага своего, короля рутцов. Три дня усердно помогают царю рабы, на плечах у них пыль в сажень толщиной, на голове сажа в аршин, на всем теле густой слой копоти. Но про то узнала сестра царева. Приходит, смотрит и молвит: «много ты, братец, навел ковачей из-за полудесятого моря; вели мне сковать царское ожерелье, чтоб все почитали меня царицей; да вели мне выковать месяц из серебра и солнце из золота, чтоб они ходили вокруг меня и днем и ночью светили. Не выкуешь, братец, злые слова пошлю на тебя». Рассердился царь, услышав такие речи. «Нет царя, – сказал он, – кроме меня; есть у меня царское ожерелье, да не для тебя; есть месяц и солнце, да не тебе они светят». Царская сестра пригорюнилась и с досады стала гребнем чесать свои черные волосы; волосы падали на землю, и от каждого выросло ядовитое зелье. Потом разломала она свой гребень на части, и из каждого зубца вышел великан с луком и стрелами. Узнал об этом и король рутцов, и Турка, вечный враг всех христиан. И сошлись они вместе и напали на мудрого ковача. Увидевши это, ковач ударил молотом по наковальне, и от одного стука рассыпались в прах великаны; он ударил в другой раз – от наковальни отскочили куски железа и засыпали Турку; ковач ударил в третий раз – от наковальни брызнули искры, зажгли серу и селитру и опалили короля рутцов. Король бросился в море, чтоб затушить огонь; царь за ним, – приходит к морю, а король уже за морем; царь гнаться – смотрит, нет корабля, вокруг него только песок морской, да голые камни, да топь, да болота. Царь собрал своих вейнелейсов и говорит им: «Постройте мне город, где бы мне жить было можно, пока я корабль построю». – И стали строить город, но что положат камень, то всосет болото; много уже камней навалили, скалу на скалу, бревно на бревно, но болото все в себя принимает и наверху земли одна топь остается. Между тем царь соорудил корабль, оглянулся: смотрит, нет еще его города. «Ничего вы не умеете делать», – сказал он своим людям и с сим словом начал поднимать скалу за скалою и ковать на воздухе. Так выстроил он целый город и опустил его на землю. Между тем король, на другом берегу, ходит и думает: что такое царь затевает. Встречает его месяц. Король кланяется месяцу: «Ах, месяц Божий, не видал ли ты, что делает царь вейнелейсов?» Но месяц ему не отвечает. Короля встречает солнце; он кланяется солнцу: «Ах, солнце Божие, не видало ли ты, что делает царь вейнелейсов?» Но и солнце ему не отвечает. Король встречает море, он кланяется морю: «Ах, море Божие, не видало ли ты, что делает царь вейнелейсов». Море, наконец, ему отвечало: «Знаю, что он делает, он землю сушит, волны гонит в мое сердце; тесно мне становится в моих берегах, как тебе, королю, в твоём королевстве». – Нападем же на него, – сказал король, – авось либо просторнее будет нам на белом свете. – И согласились они, и пошли на царя войною. Король приготовил серу и раскаленные уголья, а море взбушевало, вылилось из берегов и всползло на кровли нового города. Царь отдыхал тогда после дневной работы, проснулся, видит: хочет море залить его! Сильно ударил он жезлом по морю, и море смутилось, быстро потекло в берега и только в страхе обмывало царские ноги. «Неси мои корабли!» – вскричал царь грозным голосом, и море приняло их на свои влажные плечи. «Застынь», – сказал царь, и море подернулось льдом серебристым. «Дуй, буря, в мои паруса», – сказал царь, и корабли покатались по скользкому льду. Король между тем, видя, что море застыло, смотрит и радуется. «Победило море, – говорит, – и затянуло вейнелейсов под своей льдиной». Еще смотрит он, чернеет что-то по белому снегу, ближе... ближе... горе!.. то летят корабли вейнелейсов; тщетно закликает их король, тщетно обсыпает красным угольем, с кораблей дышит бурный ветер, свивает в облако горячую серу и палит короля и всю землю рутцийскую. Испугался король и побежал к Турку просить подмоги. Но такова его мудрость, что он и у Турка за морями, и у нас на берегу в одно время. Чем-то кончится эта кровавая битва? Кому достанется земля наша? Кому достанется наше сокровище Сампо?"



Старик умолк, старуха давно уж дремала, Эльса изредка выглядывала из-за хвороста и опять пряталась. Лишь Якко, устремив блистающие глаза на старика, казалось, боялся проронить слово.

Старик не обращал внимания на своих слушателей; его речь овладела им совершенно; слова невольно лились одно за другим; он сам с любопытством слушал рассказ свой и боялся прервать его.

– Кукари говорил мне, – продолжал он после некоторого молчания, – что с некоторого времени ему чудятся странные сны: видит он, как поднимаются с суомииских берегов огромные скалы, переплывают под ноги царя вейнелейсов, и все он поднимается выше и выше, и на громаду скал взбегают суомийцы, и царь вейнелейсов прикрывает их своей огромною рукою. То чудится ему, что на берегу моря скалы разрываются с треском, а из них выходит огромный блестящий город; там собираются тиетаи со всех сторон света и громким голосом ведут мудрые речи со всеми людьми суомийскими. И над городом опять царь вейнелейсов в золотом венце; его носят облака небесные, с венца его на Суомию падают златистые искры и светят, как тысяча солнц. Чудно! Чудно!!

Старик призадумался. Все затихло в бедной избушке, лишь ветер свистел в волоковое окошко и печально пробегал по струнам кантелы; шумели пороги, дождь прорывался сквозь кровлю; длинные тени от очага то являлись, то исчезали по закопченным бревнам избушки.

Вдруг Гина вздрогнула: "Что это? Гром?" – вскричала она.

В самом деле, среди гула порогов послышались громовые раскаты; еще, еще – наконец удар следовал за ударом.

– Нет, Гина, – сказал старик, прислушавшись, – это не гром, это пушки. Гина, война и до нас дошла.

– Где-то теперь наш Павали? Как стоит он под пушкой, ведь убьет его.

Старик молчал и не мог скрыть своего беспокойства.

– Вот еще, еще... слышишь, муж... ах, скажи мне, где наш Павали?

Старик молчал; седые его волосы рассыпались по бледным морщинам, глаза не двигались; что-то мрачное в них отражалось.

Гина зарыдала.

– Слушай, Руси, – сказала она, – я ведь знаю, ты сам тиетай, ты с живой руки можешь видеть сам все, что хочешь...

Старик сердито посмотрел на Гину.

– Не сердись на меня, я твоя верная, покорная жена; я сорок лет знала твою тайну и никогда даже тебе не говорила об этом... Но теперь – чего тебе стоит? Узнай, узнай, где наш Павали... ты сам будешь спокойнее...

Старик встал и стал ходить по избушке, качая головой с видом нерешимости. Между тем пушечные выстрелы становились чаще и чаще и, казалось, приближались. Гина вскрикивала при каждом ударе и дрожала всем телом.

После некоторого времени старик откинул свои седые локоны и сказал: "Быть так! Полно плакать, может, узнаем, где наш Павали. Ну, да полно же плакать, говорят тебе!"

Старуха в минуту затихла и только смотрела на вещуна умоляющими глазами.

Старик продолжал: "Только смотри же, Гина, ступай на печь и не смей оборачиваться, а не то и тебе, и мне худо будет. Якко, ступай в хворост, зажмурь глаза и лежи смирно, пока я не позову тебя".

Все немедленно было исполнено по приказанию старика. Тогда он призадумался, повел по лицу рукою и сказал мрачным голосом: "Эльса, поди сюда".

Эльса упрямылась и не хотела идти из-под хвороста. Старик повторил свое приказание, и Эльса выползла из-под хвороста, приблизилась к старику, но жалась к стене и трепетала.

Почти силою старик подвел ее к огню и посадил на обрубок. Едва лицо бедного дитяти стало краснеть от действия жара, как она еще более задрожала, все ее тело пришло в судорожное движение. Старик взял ее за голову и придерживал крепко, чтоб лицо бедной малютки не отворачивалось от очага.

Через несколько времени он сказал ей тихим, но сердитым голосом: "Смотри, где твой отец". Судорожное движение дитяти увеличилось; бедная Эльса билась, чтоб вырваться из рук старика, но тщетно; его железные руки приковывали ее к обрубку.

– Смотри же, где твой отец? – повторил старик еще более гневным голосом.

Эльса затрепетала сильнее, но пристально устремила глаза свои в очаг.

– Вижу, – наконец сказала она прерывающимся голосом, – вижу отца... он сидит на камне... возле него дерево... нет, не дерево... возле него человек... солдат... он что-то говорит отцу... но я не могу расслушать...

– Слушай, – сказал грозно старик.

– Солдат говорит отцу, чтоб он отдал ему свое платье... отец не дает... они горячо спорят... ах, он замахивается на отца... отец ударил солдата... ах, солдат стреляет... отец падает... ах, отец умер...

Старик отскочил от нее при этих словах. Гина вскрикнула на печке... Эльса зарыдала, старик наклонил голову в ужасе и шепотом проговорил: "Вот мое наказание..." Ярко дрожал под хворостом...

Через несколько времени послышался лошадиный топот... жители избышки вздрогнули... онемение прошло... вот как будто что-то ударилось о землю: скоро дверь со стуком отворилась, и вбежал человек в финском платье, с мушкетонем в руке, облитый дождем, забрызганный кровью и грязью.

– Лодку! Лодку! – вскричал он на шведском языке, – скорее лодку.

Старик посмотрел на него и очень холодно произнес: *an mujsta*<sup>6</sup>.

– Слышишь ли, что я говорю, – вскричал швед с гневом, – проклятая лошадь у меня пала... лодку!.. Сию минуту вези меня на другой берег.

Старик, хладнокровно поворачивая голову, по-прежнему хотел выговорить свое: *an mujsta*, но Гина вдруг бросилась на пришельца: "Это платье Павали, ты снял его с Павали? Ты убил Павали? Где он, где он?"

Швед не понимал слов Гины и с гневом оторвался от нее: "Что за толки! Говорят вам: лодку, мне нельзя терять времени; я с важным донесением... Выборг взят русскими... слышите, понимаете... лодку... лодку, или убью".

Старик посмотрел на шведа с мрачным видом и, не двигаясь с места, опять проговорил: *an mujsta*.

Тогда швед потерял терпение: "Коли не понимаешь, – вскричал он, – так я тебе иначе покажу, чего мне надо..."

С сим словом он схватил старика за длинные волосы и потащил из избы. Гина впилась в шведа: "Ты убил моего сына, ты хочешь убить и мужа!" – кричала она, заслоняя двери и сиюсь помочь своему мужу. Раздраженный швед толкнул Гину так сильно, что она головою ударилась об окраину двери – Гина и не вскрикнула... Старик хотел схватиться за нее, но швед не дал ему времени и сильною рукою повлек его на берег...

На дворе прояснилось; ветер разрывал облака, и они как дым неслись по белому небу; деревья пригибало к земле, пена порогов, усиленная бурею, с ужасным ревом разбивалась о гранитные камни; первые лучи зари отражались на серых волнах кровавыми пятнами...

– Где переправа? – кричал швед, тряся старика из всей силы...

---

<sup>6</sup> Не понимаю – обыкновенная фраза хитрого финна. (Примеч. В. Ф. Одоевского.)

Кажется, на этот раз старик понял, он не отвечал ничего, но пошел прямо к лодке, привязанной между соснами, растущими по верховью над главным порогом.

– А! Понял наконец, – сказал швед с радостью, – вези скорее.

Старый финн отвязал лодку и хотел было уступить место шведу, но швед проник его намерение.

– Нет! – сказал он, – ведь вы народ хитрый, – пустишь меня, да сам уйдешь; ступай-ка вперед!

С сими словами он втолкнул старика в лодку, – старик повиновался. Привычными руками взялся он за весло, – видно было, что ему не впервые проводить свою лодку между опасными порогами... Изредка он посматривал на шведа, но в лице финна не было видно никакого чувства... На середине реки – швед вздрогнул. "Правее! Правее, – вскричал он, – нас несет к порогу".

– An mujsta, – отвечал финн, злобно улыбаясь... "Правее! говорю тебе, – или..."

С сими словами швед взялся за мушкетон – но было уже поздно: лодку быстро втянуло в белую пену, – едва раздался из волн сильный хохот старика, крик шведа... Мелькнуло что-то черное посреди клубов пены – и все исчезло навеки: и финн, и швед, и лодка.

Никто не был свидетелем этой сцены, кроме Якко, который в испуге бежал за стариком и при страшном зрелище окаменел на берегу.

В эту минуту несколько всадников в зеленых мундирах скакали на берегу... Вдруг конь передового поднялся на дыбы.

– Смотрите! – вскричал всадник по-русски, – здесь пала шведская лошадь, он должен быть здесь недалеко!

С сими словами начальник русского отряда быстро соскочил с лошади, за ним последовали другие, и все вместе вбежали в избушку; на пороге лежала убитая Гина; огонь на очаге потух; они не заметили Эльсы, которая еще не могла прийти в себя под кучей хвороста.

– Видно, что здесь был швед нерубленный, – сказал начальник отряда, – куда же он девался? Верно переплыл через реку; беда, если его не захватим.

Быстро выбежали русские на берег и встретили бедного Якко.

– Где гонец шведский? – спрашивали русские. Якко в самом деле не понимал их, но догадываясь, показывал рукою вниз по течению Вуоксы.

– Он должен быть недалеко, – сказал начальник, – на коней, живей!

С сими словами начальник вскочил на коня, посадил поперек седла бедного Якко, и весь отряд поскакал по берегу. Так проскакали они добрую версту; там, где кипение порога прекращается, Якко замахал рукою, русские соскочили с коней к берегу и увидели, как волна прибила дребезги лодки, обезображенные трупы старого рыболова и шведа в финской одежде.

– Не переплыл, голубчик, – вскричал начальник, – туда ему и дорога. Теперь марш назад, а не то шведы захватят. Ты, малый, будешь нам служить провожатым – и отряд помчался во всю лошадиную прыть.

Так неслись они около десятка верст; Якко не помнил самого себя: быстрое движение коня отбило у него и последнюю память.

Вдруг в лесу послышались ружейные выстрелы; русский начальник остановил свой отряд и стал прислушиваться.

Из лесу показалась толпа шведов. Увидев русских, они хладнокровно построились в боевой порядок и дали по отряду залп из ружей; но кажется, не разочли расстояния: только немногие из русских лошадей были ранены; между ними была, однако же, и лошадь начальника отряда; он спустил Якко на землю и, вскрикнув: "Ребята, за мною!" с палашием в руке бросился на шведов. Шведы не успели дать второго залпа; русский отряд расстроил ряды их, смял их лошадьми и рубил палашами. Шведы оборонялись храбро штыками; большая часть лошадей русских были ранены; почти весь отряд спешился, быстро стал в боевой порядок и, как

новое свежее войско, пошел на израненных, смутившихся шведов; бой стал вполне рукопашный; штыки изломались; шведы бились прикладами, русские палашами. Преследуемый двумя шведскими фузильерами, начальник русского отряда, прислонившись к утесу, отважно отбивался от них надломленным палахом. Товарищи его были далеко, гибель казалась неизбежна. Уже русский творил молитву на смертный час, как вдруг один из его противников, пораженный сзади, упал на землю, за ним последовал и другой: тогда только русский начальник увидел перед собою маленького Якко с изломанным прикладом в руках. С сверкающими глазами, распаленный мщением, маленький финн ходил между рядами и когда замечал схватку, то поражал прикладом того, кто был в шведском мундире; он не спускал никому, ни раненым, ни убитым, и злобно ударял по головам где ни попало.

– Вот молодец, – кричали русские, – славно, славно, только лежачих не бей.

Через несколько времени разбитые шведы рассеялись снова по лесу. Начальник русского отряда, расставив несколько всадников для наблюдения, поспешил к главному русскому корпусу недалеко от Выборга.

– Ты не расстанешься с нами, молодец, – сказал он молодому финну.

Якко не понимал ничего, глаза его горели, одно в нем было чувство: злоба на шведов; остальное все было забыто: он не знал, что с ним делается, и всему бессознательно покорялся. Через несколько верст поручик Зверев, начальник отряда, примкнул к главному русскому корпусу; уже он собирался ехать с донесением, когда среди лагеря все пришло в движение. "Царь едет! Царь едет!" – говорили между собою солдаты.

Якко ничего не понимал, что вокруг него делается; он видел только, что множество людей столпилось вокруг высокого черноволосого человека, перед которым все снимали шляпы; скоро и Якко привели в ту же толпу. Поручик Зверев взял Якко за руку, а высокий черноволосый человек, перед которым все снимали шляпы, потрепал его по щеке и проговорил что-то окружающим на языке, для финна непонятном.

Якко еще смотрел на черноволосого человека, не мог отвести глаз от него, хотел ему что-то вымолвить и не мог...

Через несколько минут Якко посадили в телегу, и он помчался сам не зная куда...

Так продолжалось дня три: во время дороги провожатый Якко, израненный солдат, ласкал, холил и кормил бедного финна.

Невиданные предметы, незнакомые люди, незнакомая пища, все это поражало молодого финна и приводило его в состояние, близкое к очарованию. Наконец, миновали финские горы, пошла ровная дорога между болотами. Скоро Якко увидел дома, показавшиеся ему удивительно огромными; проехав далее, он увидел дома еще огромнее прежних, широкую реку и за рекой другой город какого-то странного вида: на стенах блещут медные пушки и ходят часовые с ружьями; огромные лодки, каких Якко еще никогда не видывал, несутся по широкой реке; наконец телега остановилась у каменного дома, проводник вышел из телеги, вытащил Якко, обессиленного от тряской дороги, и повел его за собою, где изразцовая печь с изображением людей и разных животных вывела из бесчувствия бедного финна. Через минуту в комнату вошел человек пожилых лет; он долго говорил что-то с проводником и гладил по голове Якко. Якко, ободренный этими ласками, стал бодро ходить по комнате; всякий предмет останавливал его внимание; он ощупывал мебели, обшитые зеленою кожей, дотрагивался до стекол, которых назначения никак не мог постигнуть. Особенно поразило его небольшое зеркало в простенке. Якко сначала обрадовался, увидев финна, но потом испугался, отбежал и спрятался в угол.

Между тем в комнату вошла женщина и за ней восьмилетняя девочка; они напомнили финну его прошедшую жизнь, напомнили ему Гину, Эльсу. В продолжение последних четырех дней Якко, пораженный всем случившимся, забыл все бывшее, но теперь он всплеснул руками, заплакал и стал кричать: "Эльса, Эльса!" Но никто не понимал бедного финна; его ласкали, старались утешить, но он все плакал и не ел целый день. На другое утро Якко сидел уже на

корабле, вместе с другими молодыми людьми разных возрастов, и тщетно старался растолковать себе, где он и куда его везут.

Благосклонный читатель уже верно догадался, что Якко был привезен в Петербург, в новую столицу преобразователя России, только что возникшую из болот финских. В то время просветитель России дал повеление отправить в Голландию несколько молодых людей; они поручались попечению князя Куракина. Неохотно русские люди отправлялись за море обучаться басурманским наукам. Финский сирота, обративший на себя внимание Петра, был находкою в таком случае; корабль уже был снаряжен, бедным финном заменили какого-то нижегородского недоросля, о котором горько плакалась мать.

На корабле Якко встретил старых знакомых, и именно пожилого человека, который так ласкал молодого финна; этот пожилой человек был отец поручика Зверева, секретарь и домашний человек князя Куракина; он отправлялся со всем своим семейством к князю в Голландию.

Мы не будем описывать, как полудиккий финн мало-помалу обратился в образованного европейца, как он выучился иностранным языкам, как сделался отличным физиком, механиком.

Протекли одиннадцать лет, и Якко, называвшийся теперь Иваном Ивановичем Якко, жил в Голландии у старика Зверева, который любил его, как родного. Сенные девушки толковали даже, что Иван Иванович приволакивался за меньшею дочерью Зверева, Марьею Егоровною, но старик часто твердил, что Ивану Ивановичу надобно прежде всего у царя выслужиться. Наконец, настало время разлуки; Иван Иванович должен был ехать в Петербург; с тем вместе отправлялся лестный отзыв князя Куракина к монарху о нашем Якко.

Приемыш бедного рыболова едва узнал юную столицу, – так возмужала она в короткое время; берега островов застроились, лес мачт покрывал лазурную поверхность Невы: и страшно, и весело было на душе финна. И теперь, как прежде, он знал о России еще по слуху; но ее величие тем сильнее поражало его. Он вспомнил свою родимую избушку, вспомнил баснословные рассказы о русском царстве и с трудом еще верил, что он посреди этого баснословного мира. Он вспомнил, как в первый раз увидел монарха; действительность мешалась в душе финна с очарованием: великий вождь России представлялся ему то в виде исполина, то в виде чудного волхва, покоряющего стихии; это верование в Якко получило полную силу, когда образованный ум его находил на каждом шагу убеждение, что чудные подвиги Петра не вымысел, но действительность. Тогда разгоралась в душе Якко восторженная любовь к преобразователю России и уверенность, что и он не достоин быть орудием монарха. Молодой финн знал, как дорожит он образованными людьми, которые в состоянии понимать его великие предположения, и гордою надеждой расширялось сердце молодого финна. Действительно, чудные тогда были минуты в русском царстве: Нейштадский трактат был заключен; Россия праздновала свою силу и подносила царю звание императора и Великого. Отечество было безопасно от врагов; еще не умолкал гул войны, но то был гул отдаленный, не близ юной столицы, но далеко на востоке. По сношениям князя Куракина наш молодой финн знал, что внутреннее улучшение обращало теперь на себя все внимание монарха. Россия походила на огромную машину, которой необъятная сила не знала границ; не доставало лишь маятника, который бы этой силе дал равномерное движение. Распорядок дел земских, средства сообщения, воспитание народа, все возникало в голове Петра и с высоты престола, как могучее семя, падало на плодородную русскую землю. С восторгом говорил себе финн, что для этих дел Петру нужны были люди; знал он и то, что монарх смотрел на возрастающее поколение, как на лучшую свою надежду, что часто с ранних лет он следил за молодым человеком, внимательно наблюдал за развитием его способностей, и вдруг, мгновенно посвящал его в высшие таинства трудов своих; тогда почитатели старины ворчали и удивлялись ошибке царя; но еще более дивились они, когда юноша оправдывал блистательные надежды, когда способности избранника соответствовали именно тому делу, на которое он был предназначен; старики приписывали такое счастье

случаю или находили в царе искусство угадывать, не зная того, что великий царь издавна трудолюбиво следил своим орлиным оком за человеком, им избранным. Наш финн заметил также, что как все великие люди, богатые мыслями, опережающими время, Петр любил, чтоб его угадывали, что он ненавидел простое буквальное исполнение, что он искал в своих помощниках той любви к делу, которая преодолевает все препятствия, переходит за границы исполнения, изобретает новые средства для новых целей и предупреждает великие намерения Великого. Часто из писем монарха к князю Куракину Якко видел, что царь берег таких людей, как зеницу ока; он видел также, как часто Великий жаловался, что ему не за кого взяться.

В самом деле, царь издавна, по отзывам князя Куракина, знал подробно способности и любимые занятия молодого финна.

Однако воображение Якко не переходило выше унтер-лейтенанта или гиттенфервалтера, – но другое неожиданное для него дело приготавливалось. В аудиенции пред государем он проговорился о Венеции и о тамошних типографиях; несколько слов Якко показали, что ему известно это дело; а об этом деле уже с давнего времени заботился Петр Великий; теперь же вся его деятельность обращена была на это мощное орудие просвещения; типографское искусство еще мало было известно в России; немногие люди в России тогда могли быть к нему способны. Наш Якко был находкою для Петра в этом случае, и он дал ему в одно время несколько важных поручений: он велел ему заняться переводом некоторых иностранных книг, между тем заготовить план для образования новой типографии и в особенности обучить мастеров для типографского дела. Удивление и восхищение Якко были невыразимы; он невольно упал на колени пред великим царем и от полноты чувств не мог проговорить ни единого слова. Так полудиккий финн, под могучей рукою Петра, должен был сделаться одним из орудий русского просвещения.

В конце 1722 года почтовая кибитка остановилась невдалеке от Вуоксы; молодой человек в богатом немецком кафтане выскочил из повозки, бросился на землю и целовал ее с жаром юноши. С трудом он выговаривал несколько финских слов, которые едва поняли окружающие; однако ж, они догадались, что путешественник спрашивает о дочери старого Руси.

Память о старике еще не исчезла между жителями Иматры; они помнили отважного рыболова и его удивительные рассказы в долгие зимние ночи. Показали Якко на берег, и в одно мгновение молодой человек бросился в лодку.

Когда он вышел на берег, слезы брызнули из глаз его; он узнал родимую хижину, родимые пороги, – сердце его сильно забилося. "Где же Эльса? Эльса?" – спрашивал он.

Невдалеке несколько праздных финнов окружали молодую девушку лет двадцати; она перебирала пальцами по кантеле, пела старинные песни о финском сокровище Сампо и приплясывала; в переднике ее лежали куски хлеба, полученные ею, вероятно, от слушателей.

– Вот Эльса, внучка старого Руси, – сказали провожавшие молодого человека.

– Эльса! Эльса! – вскричал он и бросился обнимать ее.

Эльса испугалась, закричала, хотела бежать.

– Эльса! сестрица! неужели ты не узнаешь своего Якко?..

– Ты обманываешь меня, Якко умер, убит, – отвечала Эльса и горько заплакала.

– Твой Якко жив, это я, приемыш твоего деда, понимаешь ли?

Эльса смотрела на него, но не верила и продолжала плакать.

Якко едва мог объяснить ей свои мысли. Выучившись почти всем языкам европейским, он забыл свой собственный и не находил в нем самых обыкновенных слов или употреблял одно слово вместо другого; но вид родимых мест помогал его памяти, и финские слова, хотя с трудом, прорастали сквозь пласты чуждых слов и понятий, как корни берез сквозь финские граниты.

– Ты не веришь, что я точно Якко? – продолжал он. – Посмотри на меня хорошенько – неужели я так переменялся?

– Якко был наш, суомиец, а ты не наш, ты большой господин.

– Эльса! Эльса! я все тот же; только платье на мне другое. Посмотри, вот камень, на который мы, бывало, взбегали; вот рябина, с которой я бросал тебе ягоды; вот здесь я тебе сделал рожок из воловьего рога; пойдем в избу, я тебе расскажу, где что лежало, где мы спали с тобою, где сидел Руси, где сидела Гина за печкой...

Они вошли в избу; все было в ней на прежнем месте, только стены немного покривились; та же четвероугольная печь, то же волоковое окно, те же сосновые обрубки, та же куча хвороста, служившая постелью. Страшная ночь, рассказ Руси, его смерть, смерть Гины, – все живо возобновилось в памяти молодого финна; он все повторил Эльсе с подробностью.

Эльса уверилась наконец, что пред нею действительно Якко, и бросилась, рыдая, в его объятия. Они сели.

– Скажи же мне, Эльса, как живешь ты? Где живешь ты?

– Я живу здесь, в этой избе.

– Одна?

– Одна; да чего ж бояться? все здесь свои люди. Днем я хожу к пастору учиться грамоте – я уж умею читать, Якко, – потом выхожу на дорогу, играю на кантеле, пою – добрые люди дают мне хлеба – посмотри-ка, я сколько уж набрала его, на целый год. Тут есть даже кнакебре<sup>7</sup>. – Эльса с гордостью показала на ворох кусков, ею набранных. – Вечером прихожу сюда, вспоминаю об отце, о деде, о тебе, Якко, поплачу и лягу спать.

– Ну, Эльса, скажу тебе, теперь будет не то, – я теперь богат, и ты будешь жить богато...

– Что же ты нашел, Сампо, что ли?

– Почти так.

– Где же ты нашел его, Якко?

– У русских...

– Ах, и рутцы тебя не убили? – вскрикнула Эльса, не поняв своего собеседника...

– Не рутцы, а русские, Эльса, или, по-твоему, вейнелейсы.

– Так ты был в их земле?

– Я живу там и тебя повезу туда с собою...

– Зачем? Как можно? – вскричала с ужасом Эльса. – Ведь это так далеко, далеко от нас... Где же мы спать будем?..

– Там, в моей земле...

– Да здесь твоя земля, Якко... эта земля моя, мне сказал пастор, а стало быть, и твоя...

– Ты не понимаешь меня, милая Эльса; в России у меня есть дом, в шесть раз больше, нежели твоя избушка; там ты будешь ходить в пестром платье, каждый день есть чистый хлеб...

– Как это можно? – повторяла Эльса.

– Послушай! – наконец сказала она ему, – знаешь, что я выдумала; вместо того, чтоб мне с тобою ехать, ты привези сюда свое Сампо?..

– Это невозможно, Эльса.

– Отчего невозможно? Ты думаешь, что я не управлюсь; нет, я большая хозяйка; я умею коров доить, делать кислое молоко, даже кнакебре напеку на целый год; а если у тебя столько достанет богатства, то мы купим соли и насолим рыбы, то-то будет счастье.

Молодой человек покачал головою, улыбаясь:

– Все это невозможно, милая Эльса, я служу царю вейнелейсов, я должен ехать в его землю, а неужели ты меня покинешь?

---

<sup>7</sup> Лепешки из муки, употребляемые только зажиточными поселянами. «Он круглый год ест чистый хлеб» есть у финнов выражение величайшего богатства. (Примеч. В. Ф. Одоевского.)

– Как мне расстаться с тобою, Якко! Ни за что, ни за что. На мне уж многие хотели жениться, но я всем отказывала, я всем говорила, что один Якко будет моим мужем, и теперь говорю, как же мне расстаться с тобою? Но зачем тебе ехать, не понимаю; по крайней мере, будем ли мы приезжать домой?

– Мы будем, пожалуй, иногда приезжать сюда.

– Иногда, а как часто? Каждый день?..

– Невозможно.

– Ну, раз в неделю, в воскресенье, в церковь.

– И это невозможно, а разве раз в год.

Эльса не отвечала, но горько плакала.

Между тем невинное предложение Эльсы выйти за него замуж заставило молодого человека задуматься. Посмотрев пристальнее на Эльсу, он заметил, что, несмотря на ее странный наряд и на волосы, поднятые на маковку под безобразную шапочку, Эльса могла похвастаться красавицей; лицо ее было не совсем правильно, но имело невыразимую прелесть, особенно когда улыбалась; иногда ее голубые глаза беспрестанно перебегали от предмета к предмету, иногда оставались совсем неподвижными, и тогда в них отражалось то грустно-таинственное чувство, которое замечается лишь у женщин северного племени.

Странные мысли приходили в голову молодого человека; теперь он уже другими глазами смотрел на Эльсу; он воображал себе ее одетую в парадное платье, в его доме, в петербургской ассамблее, и сердце его билось сильно и порывисто; но с другой стороны, ему страшно казалось соединить навек судьбу свою с женщиною почти полудикую, которой язык не будет никому понятен, которая понимает в жизни лишь первые ее потребности; он воображал себе все огорчения, которым она будет подвергаться в обществе, для нее недоступном, все насмешки, которые будут преследовать ее безыскусственное простосердечие и совершенное незнание самых обыкновенных предметов. Он испугался мысли провести с нею три дня в одной повозке: самая невинность, самая непритворность ее чувств могли быть для них обоих губительны.

– О чем ты задумался, милый Якко? – сказала ему Эльса, схватив его за лицо руками. – Ты, верно, раздумал и хочешь дома остаться, не так ли? – И с сими словами она, пока он еще не мог опомниться, горячо поцеловала его в губы. Невольная дрожь пробежала по членам молодого человека.

– Нет, Эльса, не то, – отвечал молодой человек, стараясь казаться хладнокровным. – Ты знаешь дорогу к пастору?

– Как же, и самую короткую, я все тропинки знаю...

– Поведи меня к нему.

– Пойдем, пойдем, но ты, я чай, голоден; есть не хочешь ли? – И с сими словами она подала ему лепешку из коры пополам с мукою...

Якко с отвращением и горестью посмотрел на эту странную пищу. – Нет, – сказал он, – я не хочу есть; пойдем поскорее к пастору.

И Эльса побежала, схватив Якко за руку и с аппетитом пригрызая свою лепешку.

В пасторе Якко нашел человека доброго и образованного. Молодой человек объяснил ему странность своего положения, и пастор совершенно понял его.

– Я могу помочь вам, – сказал добрый старик, – жена моя отправляется сегодня в Ниеншанц, т. е. в Петербург, хотел я сказать; у ней есть место в одноколке, и ваша Эльса может с нею доехать в этом экипаже, пока еще не привыкла к лучшим.

Молодой человек, поблагодарив пастора за его одолжение, прибавил, что у него нет ничего, кроме кибитки, и должно признаться, сказал он: – что *наши* русские повозки вовсе не годятся на *ваших* горах.

Когда все было улажено к отъезду, пастор отвел молодого человека в сторону: "Я должен вас предостеречь, – сказал он, – вы везете Эльсу в чужую сторону; знайте, что она подвержена



чему-то похожему на падучую болезнь; особенно удаляйте ее от огня и от лунного света: и то и другое, кажется, производит на нее вредное влияние; от того и от другого она приходит в какой-то сон и начинает говорить престранные речи. Простой народ считает ее колдуньей".

От этого рассказа Якко вздрогнул; он вспомнил забытое им до того гаданье старика и, несмотря на свою образованность, по духу времени, не мог выбить себе из головы, чтоб Эльса не была в самом деле околдована. Он не сообщил, однако же, своего замечания пастору, но дал себе слово не упускать из виду этого обстоятельства. Много стоило труда уговорить бедную Эльсу сесть в одноколку; она не хотела и ехать из родины, и не хотела быть не вместе с Якко, и не хотела не ехать. Она плакала навзрыд; почти без чувств усадили ее в повозку.

Якко с удивлением замечал во время дороги, что на Эльсу ничто не производило впечатления; ни любопытство, ни изумление не были доступны ее душе; одно в ней было заметно – страх при виде чужих и воспоминание о родимой избушке. Наконец повозка остановилась у петербургской заставы, – караульные солдаты разглядывали одноколку, отлично окрашенную красною краскою, засматривались и на наших дам.

– Вот, – толковали они, – и чухна в красной коробке приехала, – помоложе-то недурна, – хоть куда, – вишь какая смазливая...

Эльса испугалась, смотря на эти усатые лица, запаленные порохом, выглядывавшие из-под огромных шишаков. И пасторша струхнула, хотела что-то сказать солдатам, но немногие русские слова, которые она знала, мешались с финскими и немецкими.

– Что ты там лепечешь, чухонская ведьма? Или боишься, что сглазят? – сказал один из солдат, и вся толпа захохотала громким русским смехом.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.